

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой рассказывается о том, как праведный монах попал в столицу женского царства, и о том, какмышленная обезьяна придумала избавление от женских соблазнов

Итак, мы рассказали вам о том, что Танский монах и его спутники покинули гостеприимное селение и направились на запад. Не прошли они и сорока ли, как достигли пределов столицы женского царства Силян. Танский монах, ехавший верхом, первый увидел городские стены и, указывая на них, обратился к Сунь У-куну:

— Мы приближаемся к городу, — сказал он. — Уже отсюда слышно, какой он шумный. Видимо, это главный город женского царства Силян. Будьте начеку и ведите себя по всем правилам приличия. Ни в коем случае не допускайте разнузданности и легкомыслия, чтобы не уронить свое монашеское достоинство.

Все трое обещали строго соблюдать его приказание.

Вскоре они прибыли к восточной заставе города. Все, кто попадался им на пути, были в длинных юбках и коротких кофтах, с напудренными лицами и на помаженными волосами. Вскоре они убедились, что здесь и старые и малые — все поголовно женщины. По обеим сторонам улицы шла бойкая торговля на лотках. Завидев проходивших мимо четверых монахов, и торговки и покупательницы разом захлопали в ладоши и стали весело кричать:

— Людское семя явилось! Людское семя явилось!

Эти крики всполошили Танского монаха, который протискивался сквозь толпу. Но не тут-то было. Женщины запрудили всю улицу. Кругом раздавались веселые голоса, смех, шутки. Чжу Ба-цзе стал зычным голосом кричать, чтобы рассеять толпу.

— Продается свинья! Продается свинья! Я и есть свинья, которая продается!

Сунь У-кун остановил его:

— Братец! Перестань молоть чепуху. Лучше покажи им свою настоящую рожу да напугай их.

Чжу Ба-цзе два раза мотнул головой, поставил торчком свои уши, огромные, как листья лопуха, зачмокал своими вытянутыми губами, величиной с листья лотоса, и так страшно захрюкал, что женщины от страха шарахнулись в сторону, а некоторые даже попадали на землю и поползли.

Вот вам, читатель, стихи, которые подтверждают наш рассказ:

Долгий и трудный путь, которым праведник шел,

В дивное царство Силян его наконец привел
Что же за чудо-чудное встретил он в царстве том?
То, что мужчин там не было, — один только женский пол!
Люди, что жили в хижинах, что населяли дворцы,
Будь то правители, воины, ремесленники иль купцы, —
Все были рода женского, все — в нарядах цветных,
В юбках ходили каменщики, пахари и кузнецы.
Бабочкам пестрым подобные в нежной своей красе,
Высыпали на улицу жительницы все:
Верно, пали бы путники жертвою женских чар,
Если б не облик пугающий, принятый Чжу Ба-цзе!

Испуганные женщины больше не осмеливались приближаться к путникам и лишь издали наблюдали за ними. От страха одни из них щипали руки и терли бока, другие трясли головой или кусали ногти. Они стояли плотными шеренгами по краям улицы, преисполненные страха и трепета, и не сводили любопытных глаз с Танского монаха.

Сунь У-кун тоже принял безобразный облик и, пугая женщин, пробивал дорогу в толпе. Ша-сэнь превратился в тигра и поддерживал своих спутников. Чжу Ба-цзе, ведя за собой коня, выпятил морду и хлопал ушами. Так наши странники двигались вперед, как вдруг увидели ровный ряд домов. То были торговые ряды, лабазы с солью и крупой, там же находились чайные и питейные заведения, таможня со сторожевой вышкой, где били в барабаны и трубили в рога, склады для товаров, беседки, украшенные флагами, постоянные дворы с расшитыми занавесками на раскрытых дверях.

Наставник и его ученики завернули за угол, но им неожиданно преградила путь какая-то женщина-чиновник, которая властным тоном сказала:

— Путникам из дальних стран не дозволяется самовольно входить в городские ворота. Пожалуйте в помещение почтового стана, где ваши имена запишут в книги, доложат о вашем прибытии государыне, проверят ваше дорожное свидетельство и тогда только разрешат дальнейший путь.

Танский монах слез с коня и стал осматривать все вокруг.

Он увидел здание ямыня, над воротами которого висела большая доска с надписью: «Почтовая станция «Встреча с мужским началом».

— Гляди-ка, Сунь У-кун! — сказал он. — А ведь женщины сказали нам сущую правду. Оказывается, что такая станция действительно есть.

Ша-сэн засмеялся.

— Ну-ка, Чжу Ба-цзе! — проговорил он сквозь смех, — пойди поищи родник Отражающий утробу и посмотришь в него. Не появится ли от тебя двойная тень?

— Полно тебе дурачиться, — огрызнулся Чжу Ба-цзе, — после того как я выпил чудодейственной воды, меня так прочистило, что от плода и духу не осталось. Чего же мне смотреть в родник?

Танский монах одернул Чжу Ба-цзе:

— Будь осторожен в словах.

Затем, сделав шаг вперед, Танский монах поклонился женщине-чиновнику, которая сразу же провела путников в парадное помещение, усадила их там и велела подать им чаю.

В ожидании чая путники с интересом разглядывали служительниц с длинными косами, в кофточках и юбках. Подавальщицы чая со смехом поднесли фарфоровые чашечки. После того как путники напились чаю, женщина-чиновник стала спрашивать их:

— Вы откуда путь держите?

Сунь У-кун отвечал:

— Мы — посланцы из восточных земель, и послал нас император великого царства Тан. Направляемся мы на Запад — поклониться Будде и попросить у него священные книги. Нас ведет духовный наставник наш, Танский монах Сюань-цзан, названный брат самого императора. Я — его старший ученик и последователь. Зовут меня Сунь У-кун. А эти двое — тоже ученики и последователи наставника. Одного зовут Чжу Ба-цзе, а другого — Ша-сэн. С нами еще белый конь, так что всего нас пятеро. Проходное свидетельство у нас при себе. Вот прошу ознакомиться, проверить и пропустить нас.

Женщина-чиновник записала в книгу все, что ей сообщил Сунь У-кун, а затем поднялась со своего места, сошла вниз и совершила земной поклон.

— О уважаемый сударь! Прошу прощения за мою вину, — молвила она. — Я смотрительница почтовой станции «Встреча с мужским началом», мне надо было выйти навстречу вам, нашему почетному гостю, и воздать должные почести, но я не знала, что вы из великого государства.

Закончив церемонию приветствия, она поднялась с земли и велела своим прислужницам немедленно приготовить самое изысканное угощение. Затем, обращаясь к путникам, сказала:

— Многоуважаемые гости! Прошу вас чувствовать себя здесь как дома. Я ненадолго покину вас и доложу о вашем прибытии своей повелительнице — государыне царства Силян, чтобы вам немедленно обменяли проходное свидетельство и вы смогли бы продолжать свой путь.

Танский монах поблагодарил женщину за внимание, и они расселись, ожидая ответа. Здесь мы пока расстанемся с ними.

Смотрительница почтовой станции оправила свои одежды и головной убор, вошла в город и остановилась у высокого здания, носившего название «Терем пяти фениксов». Подойдя к старшему из евнухов, охранявших ворота, она сказала ему: — Я смотрительница почтовой станции Встреча с мужским началом, мне нужно доложить государыне о важном деле.

Евнух тотчас же отправился с докладом. Царица повелела впустить смотрительницу в свои покои.

— С каким делом ты явилась ко мне?— спросила государыня.

— Твоя нижайшая служанка — смотрительница почтовой станции только что приняла названного брата императора Танского государства из восточных земель праведного монаха Сюань-цзана с тремя учениками его: Сунь У-куном, Чжу Ба-цзе Ша-сэном. Есть у них еще конь, всех их пятеро. Они направляются на Запад к Будде за священными книгами. Вот я и пришла спросить тебя, моя повелительница, можно ли обменять им проходное свидетельство и разрешить следовать дальше.

Услышав это сообщение, государыня очень обрадовалась и обратилась к своей свите, состоящей из военных и гражданских чинов женского пола.

— Послушайте! Мне ночью приснился сон, будто моя золотая ширма вдруг стала искриться всеми цветами радуги, а яшмовое зеркало начало излучать яркий свет. Несомненно, все это было счастливое предзнаменование на сегодняшний день.

Стоявшие у ее трона военные и гражданские чины отвесили низкий поклон и кто-то из них спросил:

— О повелительница наша! Поведай нам, почему ты решила, что твой сон служит счастливым предзнаменованием на сегодняшний день?

— К нам прибыл мужчина из восточных земель, названный брат императора государства Тан. В наше царство со дня сотворения мира, когда первоначальный хаос впервые разделился на небо и землю, ни разу еще не приходил мужчина. А сколько уже прошло веков! И вот сегодня

явился названный брат Танского императора. Не иначе как само небо послало его нам в дар. Я готова отдать ему все богатства моего царства, только бы он согласился стать нашим государем. Я с радостью уступлю ему бразды правления и буду только его женой — государыней. Мы соединимся с ним брачными узами, я стану рожать ему детей, которые навеки будут наследовать наше царство. Ну, посудите сами, разве не таково было счастливое предзнаменование на сегодняшний день?

Все чины, и военные и гражданские, пришли в неописуемую радость и стали бурно выражать свой восторг.

Затем смотрительница почтовой станции снова обратилась к государыне:

— О повелительница! Твое мудрое решение сулит благо на многие лета твоему царственному дому, — сказала она. — Но как быть с тремя спутниками твоего избранника? Уж очень они безобразны на вид, совсем не подходят для твоего двора.

— Чем же они безобразны? — заинтересовалась государыня. — Ну-ка, опиши мне наружность каждого из них, начиная с наставника, названного брата Танского императора!

— У Танского монаха очень величественный вид, — начала смотрительница, — он обладает прекрасными манерами, храбр и мужествен. Он настоящий мужчина, такой, каким должен быть подданный Серединного цветущего государства, находящегося на большом материке Джамбудвипа, к югу от горы Сумеру. Но ученики его, их трое, ужасны на вид, — сущие дьяволы.

— В таком случае, — сказала государыня, — почему бы их не разделить? Выдать троим дорожную, пусть отправляются на Запад, а Танского монаха оставить здесь.

Все чины — и военные и гражданские — снова пришли в восторг. А одна из сановниц обратилась к государыне:

— Твои слова, о повелительница, мудры и справедливы, и все мы готовы выполнить любое твое повеление, но в таком деле без сватовства не обойтись. Еще в древности говорили: «Брачный союз скрепляется красным листком, а новобрачных связывает красным шнурком Подлунный старец».

Государыня, не задумываясь, отвечала:

— Пусть будет по-вашему. Повелеваю старшей придворной советнице и наставнице быть нашей свахой, а смотрительнице почтовой станции Встреча с мужским началом быть распорядительницей на нашей свадьбе. Отправляйтесь на станцию и предложите Танскому монаху Сюань-цзану породниться со мною. Если он согласится, я выеду за городские ворота, чтобы встретить его как жениха.

Старшая советница вместе со смотрительницей почтовой станции тотчас покинули зал и отправились выполнять повеление.

В это время Танский монах и его спутники находились в парадном помещении почтовой станции и с аппетитом закусывали.

Вдруг они услышали, что кто-то снаружи доложил:

— Прибыла старшая придворная советница вместе с нашей начальницей!

Танский монах встревожился:

— Чего ради пожаловала сюда придворная советница?

— Не иначе как государыня пожелала пригласить нас к себе, — сказал Чжу Ба-цзе.

— Зачем ей нас приглашать? — вмешался тут Сунь У-кун. — Просто она решила породниться с нами.

Танский монах еще больше встревожился:

— А что, если ты правду говоришь и нас отсюда не выпустят, а заставят жениться, что мы будем делать?

— Если вас будут сватать, — отвечал Сунь У-кун, — соглашайтесь, а я знаю, что делать.

Не успел он договорить, как вошли обе женщины: придворная советница и смотрительница станции. Они низко поклонились Танскому монаху. Тот в свою очередь ответил почтительными поклонами и молвил:

— Я смиренный монах, отрешившийся от мирских сует, не знаю, за какие заслуги удостоен вашим вниманием и выражением столь высокого почтения?

Придворная советница с ног до головы оглядела Танского монаха и нашла, что он очень хорош собой. «Нашему царству действительно повезло! Этот монах вполне годится в мужа нашей государыне», — с радостью подумала она.

Закончив церемониальные поклоны, женщины поднялись с земли и встали по обе стороны Танского монаха.

— Милостивый сударь! Великая радость ожидает тебя! — торжественно произнесли они в один

голос.

— Я не мирянин, — с отчаянием в голосе отвечал Сюань-цзан. — Какая же радость может ожидать меня?

Поклонившись в пояс, придворная советница объяснила цель своего прихода:

— Вы находитесь сейчас в женском царстве Силян, в которое еще никогда не заходил ни один мужчина. И вот, наконец, вы, брат Танского императора, со своими спутниками осчастливили нашу страну своим посещением. Я получила повеление явиться к вам и выразить желание моей государыни породниться с вами.

— О, я счастлив!—воскликнул Сюань-цзан. — Я бедный, одинокий монах, и прибыл в эту благодатную страну, сопровождаемый не сыновьями и не дочерьми, а этими тремя упрямыми учениками. Кого же из них удостоит государыня чести быть ее избранником?

— Я — ваша покорная слуга, — отвечала смотрительница почтовой станции, — только что была во дворце и докладывала о вас моей повелительнице. Она, ликуя, поведала нам о том, что ночью ей приснился сон, будто ее золотая ширма стала искриться всеми цветами радуги, а яшмовое зеркало начало излучать яркий свет. И вот, когда она узнала, что вы названный брат императора Серединного цветущего государства, то сразу же изъявила желание отдать вам все свои богатства и стать вашей женой, дабы вы приняли бразды правления и взошли на престол. Ничего, кроме этого, она не желает. Она повелела нашей старшей советнице прибыть сюда в качестве свахи, а мне поручила быть распорядительницей на свадьбе. Теперь вы знаете, какова цель нашего прибытия к вам. Ждем вашего ответа, милостивый государь.

Выслушав все это, Танский монах поник головой и молчал.

Старшая советница стала уговаривать его:

— Великий муж!—молвила она. — Вам привалило огромное счастье и упустить его никак нельзя. Войти в дом зятем дело не хитрое, но получить за это богатства целого государства, такое не с каждым случается. Прошу вас, дайте поскорей свое согласие, чтобы можно было доложить об этом нашей повелительнице.

При этих словах Танский монах просто онемел.

Тут Чжу Ба-цзе, стоявший в сторонке, вдруг выпятил свое свиное рыло и заорал:

— Послушай, ты, советница! Ступай скорее к своей государыне и объясни ей, что наш наставник давно уже стал праведником и приверженцем Будды, носящим священное звание архата. Ему не нужны никакие богатства, и ни одна красавица мира не сможет пленить его. Живей выправляйте наше проходное свидетельство и отпустите нашего наставника на Запад, а

я охотно останусь здесь и буду мужем государыни. Ну, что скажешь на это?

Советница пришла в ужас и, дрожа от страха, не знала, что отвечать. Смотрительница почтовой станции сказала:

— Ты хотя и мужского пола, но так страшен и безобразен, что наверняка не понравишься нашей государыне.

Чжу Ба-цзе расхохотался и сказал:

— Ты, видно, ничего не смыслишь в превращениях. Слы- хала ли ты о том, что «умелый мужик даже из толстой коры ивы сплетет сито, а из тонкой — ведро», кому на свете в голову придет судить о том, красив ли он?

— Дурень! — осадил его Сунь У-кун внушительным тоном, — перестань молоть чепуху. Предоставь нашему наставнику поступить так, как он пожелает. Если он согласен, хорошо, а не согласен — ничего не поделаешь. Не надо задерживать свах.

— Посоветуй же мне, — умоляющим тоном произнес Танский монах, обращаясь к Сунь У-куну, — как быть?

— По-моему, — отвечал Сунь У-кун, — тебе, учитель, здесь будет хорошо. С давних времен говорится: «Те, кого связывают брачные узы, соединятся вместе, хотя бы их разделяло расстояние в тысячу ли». Где еще найдешь такое хорошее место?

— Братья, — с отчаянием в голосе промолвил Танский монах, — а кто же отправится на Запад за священными книгами, если мы останемся здесь, обольщенные богатством и знатностью? Не навлечем ли мы беду на императора Танского государства, который ждет не дождет нашего возвращения?

— О милостивый сударь мой! — вкрадчивым голосом сказала советница. — Я, ваша ничтожная раба, не осмелюсь скрыть от вас повеления моей государыни. Она хочет породниться именно с вами, названным братом Танского императора. А вашим ученикам она хочет выдать после свадебного пира довольствие и проходное свидетельство, чтобы они могли совершить путешествие на Запад и получить там священные книги.

Услышав это, Сунь У-кун восторженно сказал:

— Высокочтимая советница! Ваши слова поистине справедливы и нам не следует противиться желанию государыни. Мы охотно оставим нашего наставника в мужья вашей государыне, только поскорей выпишите нам проходное свидетельство, чтобы мы могли продолжать наш путь. Когда мы будем возвращаться со священными книгами, то посетим ваше царство, чтобы засвидетельствовать уважение наставнику и его супруге, а вы дадите нам средства на дорогу, и

мы благополучно вернемся в великое Танское государство.

Тут старшая советница и смотрительница станции поклонились Сунь У-куну и сказали в один голос:

— Премного благодарны тебе на добром слове!

Чжу Ба-цзе не удержался:

— Смотри, советница, чтоб не получилось, как говорят: «Блюда с яствами только на словах!» Раз уж мы дали согласие, пусть твоя государыня до свадьбы устроит нам угощение. Что скажешь на это?

Советница очень обрадовалась:

— Все будет, все!—пообещала она. — Я сейчас же устрою вам отличное угощение.

Обе женщины, не помня себя от радости, поспешили во дворец доложить своей повелительнице об успешном завершении дела. Тут мы их пока и оставим и обратимся к нашим путникам.

После того как женщины удалились, Танский монах схватил Сунь У-куна за руку и стал бранить его:

— Погубил ты меня, негодная обезьяна! Как ты посмел говорить такие речи?! Да разве соглашусь я остаться здесь и отпустить вас одних на Запад к Будде? Лучше умереть!

Сунь У-кун принялся его утешать:

— Наставник мой, успокойся! Неужели я мог так о тебе подумать? Но раз уж мы попали в такую страну, придется отвечать хитростью на хитрость.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Танский монах.

— А вот что, — отвечал Сунь У-кун. — Если ты сейчас откажешь им, нам не выдадут проходного свидетельства и не выпустят отсюда. Не следует вызывать в них злобу и ненависть, не то они убьют тебя, сдерут кожу и наделают себе из нее ладанок для благовоний. А разве сможем мы ответить на подобное злодеяние добром? Конечно, нет. Мы тут же обратим против них наши чары, покоряющие демонов и разгоняющие бесовское наваждение. Ты ведь знаешь, учитель, что мы действуем очень грубо, пускаем в ход смертоносное оружие, от которого нежные обитательницы этого царства наверняка погибнут все до единой. А ведь они люди, а не черти и не оборотни; ты, всегда отличавшийся стремлением к добру и состраданием к людям, за всю

дорогу не обидел даже букашки. А тут придется загубить несметное количество людей, ведь твое доброе сердце не стерпит этого! Да и поистине это будет огромным злодеянием.

Танский монах выслушал и сказал:

— Ты совершенно прав. Боюсь только, как бы царица не завлекла меня к себе и не заставила совершить супружеский обряд. Разве могу я лишиться своего целомудрия и опорочить духовный сан буддийского монаха? Ведь этим я уроню достоинство всех верующих!

Сунь У-кун отвечал ему так:

— Узнав о твоем согласии на брак, государыня непременно окажет тебе царские почести и выедет за городские ворота, чтобы достойно встретить тебя. Сядь с ней рядом в ее колесницу и поезжай во дворец, там войди в тронный зал и садись на трон лицом к югу. Затем попроси государыню принести государственную печать и впустить в тронный зал нас, поставь печать на нашем подорожном свидетельстве и попроси царицу написать соответствующую бумагу. Эту бумагу пусть государыня собственноручно подпишет и приложит к ней свою личную печать. Затем вели эту бумагу вручить нам. В соседнем помещении прикажи устроить пир в честь встречи с государыней и по случаю нашего отъезда.

После пира вели приготовить регалии и скажи, что хочешь проводить нас за городские ворота, а уже потом предаться супружеским радостям. Это рассеет всякие подозрения. За городом выйди из колесницы и подзови к себе Ша-сэна, пусть поможет тебе взобраться на коня, — вот и все. А я приколдую государыню и всю ее свиту к месту, чтобы мы могли продолжать наш путь на Запад. Через сутки, когда мы будем уже далеко, я сниму с них чары и внушу им, чтобы они спокойно вернулись во дворец.

Таким образом никому не придется расплачиваться жизнью, и, кроме того, ты, учитель, не потеряешь своего целомудрия. Такой план действия называется: «Под видом свадьбы ускользнуть из сетей». Ну, скажи, чем он плох? Тут, как говорится, одним выстрелом можно убить двух зайцев.

Танский монах сразу почувствовал огромное облегчение, словно очнулся после опьянения или кошмара. Обрадованный, он забыл про свои заботы и не переставал повторять:

— Я глубоко признателен тебе за твой мудрый совет.

Затем все четверо, охваченные единым стремлением, стали обсуждать план Сунь У-куна во всех подробностях. Но мы пока оставим их.

Между тем старшая советница и смотрительница почтовой станции примчались во дворец и без доклада прошли прямо в тронный зал. Там, у яшмовых ступеней трона, они преклонили колени и обратились к государыне с такими словами:

— О наша великая повелительница! Твой чудесный сон сбывается. Тебя ждет огромная

радость, ты будешь счастлива в супружестве.

Услышав эти слова, государыня поспешно откинула жемчужную занавеску, сошла с трона и звонко рассмеялась; при этом ее вишневый ротик слегка приоткрылся и показались серебристо-белые зубки.

— Ну, поведайте мне, что сказал названный брат Танского императора!

И старшая советница стала рассказывать.

— Когда мы прибыли на станцию, то прежде всего почтили Танского монаха глубоким поклоном, а затем сообщили ему о твоём желании породниться с ним. Он сперва начал было отказываться, но, к счастью, вмешался его старший ученик, который принял нашу сторону и выразил их общее желание оставить здесь своего наставника, чтобы он стал твоим супругом и был провозглашен государем. Он только просил сперва выправить подорожное свидетельство и отправить всех троих учеников на Запад за священными книгами. Он обещал на обратном пути посетить наш дворец и поклониться своему наставнику и тебе, его супруге, а также попросить средства, чтобы возвратиться в великое Танское государство.

Государыня была очень довольна и, смеясь, спросила:

— А что еще сказал брат Танского императора?

— Ничего больше не говорил, — отвечала советница, — видимо, он не прочь жениться на тебе; а вот второй его ученик прямо заявил, что ему хочется погулять на свадьбе.

Государыня выслушала ее и повелела тотчас же приготовить изысканное угощение, а ей подать парадный выезд для встречи жениха за городскими воротами. Придворные чины — и военные и гражданские — бросились выполнять волю государыни. Одни приводили в порядок помещение, устанавливали помост для пиршества и расставляли яства на столах, другие тем временем готовили парадный выезд. Вскоре все было готово.

И хотя царство Силян было женским царством, представьте себе, читатель, парадный выезд оказался ничуть не хуже, чем в Серединном цветущем государстве.

Вот послушайте:

Подобна драконам шестерка коней —

Такое они излучают сиянье!

Супругам достойным отправят на ней

От фениксов вещих счастливой четы,

Несущей в себе постоянства черты,
Благое предзнаменование,
Подобная дивным коням неземным
Шестерка коней везет колесницу,
В багрянец и пурпур одетый возница
Волшебной своею упряжкой гордится —
Такая упряжка под стать молодым!
Как селезень с уткой, как фениксы-птицы
В золотой колеснице сидят молодые,
Навстречу им льются потоки людские,
Восторгом великим народ обуян...
Надели красавицы платья цветные,
Подвески из яшмы, браслеты литые,
И ножки обули в парчу и сафьян.
Всем хочется видеть чету новобрачных,
И каждый поближе пробраться стремится,
Но прячут супруги в смущении лица:
Им мало жемчужной завесы прозрачной,
За веером легким желают укрыться
От музыки звонкой, от громких речей,
От кликов, приветствий, от жадных очей!
Над городом праздничным вьются знамена,
Струится над ним ветерок благовонный
От дивно цветущих зеленых садов,
Гирлянды и флаги он тихо колышет
И в небо уносит все выше и выше
И звуки свирели и шум голосов.
Недаром веселья столица полна,

Недаром народ изумленный ликует —
Ведь видят впервые здесь свадьбу такую,
Где вместе присутствуют муж и жена!
Здесь даже обряда такого не знали,
Чтоб брачную чару вдвоем распивали.

Прошло не очень много времени, и парадный поезд, выехав из городских ворот, остановился у почтовой станции Встреча с мужским началом. Служительницы примчались к Танскому монаху и его ученикам.

—Государыня прибыла! — доложили они.

Танский монах и его ученики, услышав эту весть, сейчас же оправили на себе одежды и вышли встретить государыню. Откинув занавеску, государыня вышла из колесницы и спросила старшую советницу:

— Кто же из них названный брат Танского императора?

— Тот, что стоит у входа на станцию, перед столиком, и одет, как благородный господин, — отвечала советница.

Государыня метнула в него взгляд, подобный взгляду феникса, насупила свои роскошные брови, затем снова оглядела его с ног до головы и тогда только убедилась, что перед ней человек незаурядный.

Могло ль не покорить его обличье
Красавицу? Прекрасные черты,
Исполненные мужества, величья,
Спокойной и суровой красоты,
Влекли к себе и мысли и сердца!
Взирать была готова без конца
Прелестная невеста из Силяна
На свет, идущий от его лица,
На взлет бровей и на румянец рдяный,
На алые, пленительные губы,

На белым серебром сверкающие зубы,
На ясный блеск его живых очей,
На темя гладкое, на лоб крутой, широкий —
Известный признак мудрости глубокой...
Приятен был и звук и смысл его речей,
Не менее, чем вид, и юный и пристойный;
Ее ума и прелести достойный
Лишь он один под пару будет ей!

Сердце государыни запылало от страсти. Она уже не могла подавить в себе нахлынувшие на нее желания и, приоткрыв свой вишнево-алый ротик, позвала:

— О брат великого Танского императора! Что же ты медлишь, почему не занимаешь свое место в колеснице, чтобы вступить со мною в счастливый брак?

От этих слов Танский монах покраснел до ушей и, испытывая жгучий стыд, не осмеливался поднять голову.

Рядом с ним стоял Чжу Ба-цзе и, выпатив свое свиное рыло, масляными глазками смотрел на государыню, а она и в самом деле была хороша собой. Вот послушайте, какие про нее стихи сложены:

Бровки ее блестят, словно крылышки пташки малой,
Лоснится кожа ее, будто смазанная салом,
С персиковым цветком схож ее лик нежно-алый,
Скрытый, как тучкой луна, узорчатым опахалом,
Узел тяжелый волос красивым шнурком золотистым
В три переплета красавица перевязала.
В узел этот продела бронзовые спицы,
С шишечками из яшмы, жемчуга и опала,
Шелк одеянья ее, словно вода, струится.
Брошена на плечо перевязь цвета коралла.
Голубизна речная в светлых очах таится...

Может ли с ней Си-ши пленительная сравниться,
Иль Чжао-цзюнь, прославленная царица,
Чья красота подобной себе не знала?
Стан ее гибче ветви плакучей ивы,
Легкость походки ее у всех вызывает зависть,
Ножки ее малы, как священного лотоса завязь,
И, как побеги бамбука, руки нежны и красивы.
Людам простым она гостьей небесной казалась,
Обликом светлым своим и одеждою прихотливой,
Словно с девятого неба на землю решила спуститься,
Где красота ее яркой звездой сияла!
Можно ли видом подобным и прелестью небывалой,
Пусть лишь однажды узрев их, на веки веков не плениться?

Дурень, разглядев все прелести государыни, не мог удержаться от восторга. Изо рта у него потекли слюнки, сердце забилося, весь он как-то размяк, и ему казалось что он тает, словно снежный лев у жаркого костра.

Менаду тем государыня подошла к Танскому монаху, взяла его за руку и нежным голосом проговорила:

— О, брат императора! Прошу тебя сесть в колесницу. Мы отправимся с тобой во дворец, в зал Золотых колокольчиков, и там обвенчаемся.

Несчастный Танский монах дрожал всем телом и едва держался на ногах, словно пьяный или безумный.

Сунь У-кун, находившийся рядом, подбадривал и наставлял его:

— О мой учитель, нельзя быть столь застенчивым. Прошу тебя, прими предложение государыни и займи место в колеснице. Надо поскорее выправить подорожное свидетельство. Останешься здесь, а мы отправимся за священными книгами.

От волнения Танский монах не мог произнести ни слова. Он погладил Сунь У-куна, и слезы брызнули у него из глаз. Однако Сунь У-кун быстро проговорил:

— Учитель! Не надо огорчаться! Такое счастье редко кому выпадает на долю! Чего же еще желать?

Танскому монаху ничего не оставалось как последовать совету Сунь У-куна. Он незаметно смахнул слезы и, притворившись веселым, приблизился к государыне и...

За руки взявшись, пошли они вместе,

Вместе в златую взошли колесницу...

Праведник горькою думой томится,

Думы его — не о милой невесте.

Всею душою он к Будде стремится,

Брак для него — лишь позор и бесчестье...

Мысли иные тревожат царицу:

С тем, кто быть должен ее господином,

Хочет прекрасная девушка слиться

В нежности равной и в страсти единой;

Думы монаха в Линьшане витают,

В крае, где Будда благой обитает.

От нетерпенья невеста сгорает,

Мысли красавицы — только о муже,

Больше никто ей на свете не нужен.

В нежных речах своих, лжив и притворен,

Страсти неискренней мнимо покорен,

Он от нее свои чувства скрывает

Если с открытой душою мечтает

С ним она в мире прожить и согласие,

Радости с ним разделить и несчастья,

Он себе доли такой не желает -

Хочет монах избежать искушенья,

Чтоб не нарушить обетов безбрачья.

Жаждет она его ласки горячей,
Он же от ласк ее жаждет спасенья.
Хочется ей, чтобы день был короче,
Ждет не дождется красавица ночи,
Чтоб из невесты в жену превратился.
Он из сетей ее вырваться хочет,
Ищет путей, чтоб от девушки скрыться...
Так они едут вдвоем в колеснице,
И догадаться царица не может,
Что на уме у монаха таится,
Что его сердце и душу тревожит...

Все военные и гражданские чины, наблюдавшие, как их государыня села в колесницу плечом к плечу с Танским монахом, стали весело переглядываться и перемигиваться и, замыкая парадный выезд, проследовали обратно в город.

Тогда только Сунь У-кун велел Ша-сэну взять поклажу, а сам повел белого коня вслед за выездом. Чжу Ба-цзе побежал вперед и первым оказался у ворот терема Пяти фениксов. Там он поднял крик:

— Вы что же это, думаете так все обойдется! Нет, не надейтесь! Пока не будет угощения с вином, свадьба не состоится.

Все дворцовые служительницы насмерть перепугались и побежали к свадебному поезду жаловаться:

— О повелительница наша! У ворот двора стоит тот, с длинным рылом и огромными ушами, и орет, требуя угощения и вина.

Государыня прижалась к Танскому монаху, приблизила к его лицу щечку, нежную, как персик, раскрыла свой благоуханный ротик и вполголоса спросила:

— Мой дорогой! Этот, с длинными выпяченными губами и огромными ушами какой по счету ученик?

— Второй, — отвечал ей Танский монах. — Он очень прожорлив и только и думает, как бы ему поесть всласть. Надо накормить и напоить его, только тогда он угомонится.

— Все ли сделано, как я приказывала? — спросила государыня служительниц дворца.

— Все готово, — хором отвечали служительницы, — поданы два вида блюд: скоромные и постные. Они уже на столе в Восточном зале.

— А почему приготовили два вида блюд?— удивилась государыня.

Одна из служительниц пояснила:

— Я, ваша недостойная служанка, побоялась, что названный брат Танского императора и его ученики привыкли только к постной трапезе, вот и приготовила на всякий случай два вида блюд.

Тут государыня усмехнулась и, прильнув щечкой к лицу Танского монаха, игриво спросила:

— Дорогой мой! А ты предпочитаешь скоромное или постное?

Танский монах, не задумываясь, ответил:

— Мы, бедные странствующие монахи, едим только постное, но обета воздержания от вина не давали. Позволь же моим двум ученикам выпить несколько чашечек простого вина.

Не успел он договорить, как появилась старшая советница и доложила:

— Прошу вас пожаловать в Восточный зал откусать! Сегодня ночью должен появиться молодой месяц, и это будет самое счастливое время для вашего бракосочетания. Завтра солнце пересечет полуденную линию неба. В этот час мы будем просить названного брата Танского императора и нашего повелителя занять царский трон и возвестить новую счастливую эру своего правления!

Государыня была счастлива. Она взяла Танского монаха за руки, вместе с ним сошла с колесницы, и они вдвоем проследовали через главные ворота.

Из башни высокой чудесная музыка льется,

Звучанье свирелей и флейт далеко раздается,

Глядит потрясенный народ

На колесницу златую в узорах блестящих,

На светоносных драконов, недвижно стоящих

У настежь раскрытых ворот.

Сегодня украшены дивно чертоги царицы,

Из древних курильниц дымок благовонный струится...

Куда ни взгляни,

Повсюду, в янтарных, порфириновых, яшмовых залах,

Блистая, слепя, словно сотни светил небывалых,

Сияют огни.

На ширмах из перьев павлиньих колеблются тени

От тонких карнизов резных, от лепных украшений,

От стройных точеных колонн...

Китая достойны беседки дворца и палаты,

Любой, кто их видел, замрет, восхищеньем объятый,

Такой красотой поражен.

В Восточном зале их встретили музыкой и пением, удивительно нежным и мелодичным.

Прелестные девушки стояли двумя рядами. В середине зала был накрыт стол на двух человек с разными яствами. С левой стороны — постное, с правой скоромное. Ниже стояли еще два ряда столиков с закусками. Государыня подобрала рукава халата и обнажила пальчики, тонкие, словно точеные. Она поднесла своему гостю нефритовую чашечку с вином, и пир начался.

К ней подошел Сунь У-кун.

— Наш учитель и мы, его ученики, едим только постную пищу, — сказал он. — Нельзя ли просить нашего наставника занять место по левую сторону и передвинуть туда же еще три места, чтобы мы могли сесть по обе стороны от учителя. Так будет очень удобно.

Старшая советница обрадованно сказала:

— Совершенно верно! Так и сделаем! Ведь наставник и его ученики все равно, что отец с сыновьями, а им не полагается сидеть в один ряд плечом к плечу.

Служанки быстро переставили места. Государыня передала Танскому монаху и его ученикам по чарочке вина и усадила их. Сунь У-кун незаметно подмигнул своему учителю, дав ему понять, что на вежливость надо ответить вежливостью. Танский монах поднялся со своего места, налил чашечку вина и поднес ее государыне, предлагая ей занять место. Все гражданские и военные чины глубоким поклоном отблагодарили Танского монаха за проявленное внимание и затем стали рассаживаться, занимая места по старшинству и по

рангам. Музыка прекратилась, и началось возлияние вина.

Чжу Ба-цзе, как всегда, вел себя бесцеремонно, ни на кого не обращая внимания. Он уплетал за обе щеки, причем не соблюдая никакой последовательности в выборе кушаний. Вслед за вареным рисом он глотал блины, сладкие пироги, а затем принимался за жареные и маринованные грибы, стручки бамбука, снова за грибы, но уже древесные, салаты из латука, из морских водорослей, из фиолетовой капусты; потом ел репу, свеклу, батат, сладкие корнеплоды, имбирь. Все это он поглощал в громадном количестве и глотал, не разжевывая. Осушив седьмую чашечку вина, он стал требовать, чтобы ему подали винный рог.

— Подать сюда винный рог! — орал он во все горло. — Вот выпьем несколько рогов, тогда каждый из нас примется за свое дело!

Ша-сэн сказал ему:

— Такое отличное угощение, а ты за дело хочешь приняться.

Чжу Ба-цзе рассмеялся:

— Разве ты не знаешь древнюю пословицу: «Один гнет луки, другой изготавливает стрелы». Так и мы теперь. Кто хочет жениться, пусть женится. Кто собирается замуж, пусть выходит замуж. Кому идти за священными книгами, пусть идет, а кто хочет странствовать, пусть странствует. Не следует из-за лишней чарки забывать о деле. Нам нужно поскорее получить проходное свидетельство. Ведь говорят же: «Полководец не слезает с коня, он мчится к почестям и славе».

Государыня услышала его слова и распорядилась подать большие чарки для вина. Были немедленно принесены разнообразные диковинные чарки в виде попугаев, птиц-рыболовов, золотые кубки «Цзиньполо», серебряные кубки «Иньцоло», рюмки из стекла, чашки из хрусталя, чаши из шаньдунского фаянса, бокалы из янтаря. Все эти сосуды были наполнены до краев разными наливками и настойками, и обошли всех гостей.

Наконец Танский монах потянулся всем телом, встал с места, почтительно сложил руки ладонями вместе и обратился к государыне с такими словами:

— Премного благодарен тебе, государыня, за богатое угощение. Но вина больше не надо, достаточно! Прошу тебя пройти в тронный зал и выдать проходное свидетельство моим ученикам, пока не стемнело пусть отправляются в путь.

Государыня послушалась, взяла за руку Танского монаха и прошла с ним в тронный зал Золотых колокольчиков. Тут она, не мешкая, предложила Сюань-цзану занять место на своем троне.

— Сейчас это невозможно, — воскликнул Танский монах. — Ведь твоя старшая советница сказала, что завтра, когда солнце пересечет полуденную линию, только тогда я осмелюсь занять это высокое место и принять звание верховного правителя. А сегодня тебе надлежит как полновластной государыне поставить государственную печать на проходном свидетельстве.

Государыня и на этот раз послушалась. Она взошла на трон, придвинула к нему золоченый стул и попросила Танского монаха сесть. После этого она велела позвать его учеников. Когда они явились, Великий Мудрец Сунь У-кун велел Ша-сэну развязать узел и достать свидетельство. Затем он взял его и обеими руками почтительно вручил государыне. Та внимательно прочла все, что там было написано, и осмотрела все девять печатей великого Танского императора, под которыми стояли еще печати разных царств: Баосянго, Уцзиги и царства Цзюйчи.

Тщательно осмотрев проходное свидетельство, государыня рассмеялась и своим нежным голосом спросила:

— Выходит, что ты, брат Танского императора, носишь еще и другую фамилию — Чэнь? Как же так?

Танский монах разъяснил ей:

— В миру моя фамилия Чэнь, а монашеское имя Сюань-цзан. Великий и милосердный император Танского государства удостоил меня высокой чести, назвав меня своим младшим братом, и позволил мне носить фамилию Тан.

— А почему в проходном свидетельстве не значатся твои спутники — ученики?— спросила государыня.

Сюань-цзан отвечал и на этот вопрос:

— А это потому, что они не являются уроженцами Танского государства.

— Почему же они, в таком случае, последовали за тобой? — любопытствовала государыня.

— Мой старший ученик, — стал объяснять Сюань-цзан, — родом из страны Аолайго, расположенной на материке Дуншэньчжоу; второй ученик из селения Усы — на материке Синюхэчжоу, а третий — из Люшахэ. Все они в прошлом провинились перед небом, и бодисатва Гуаньинь, проживающая у Южного моря, приняла их обет и сняла с них кару, при условии, что они будут сопровождать и охранять меня в моем путешествии на Запад за священными книгами. Как видите, они стали моими учениками уже в дороге. Вот почему их не занесли в проходное свидетельство.

— Хочешь, я занесу их?— спросила государыня.

— Пожалуйста, — отвечал Танский монах. — Как тебе угодно.

Государыня велела немедленно принести писчую кисть и ароматную тушь, густо растерла ее, жирно обмакнула кисть и на оборотной стороне свидетельства собственноручно написала монашеские имена трех спутников Сюань-цзана: Сунь У-кун, Чжу У-нэн, Ша У-цзин; затем она достала государственную печать и поставила ее где следовало. Наконец она расписалась и передала проходное свидетельство Сунь У-куну. Сунь У-кун принял бумагу и отдал ее Ша-сэну, чтобы он спрятал ее. Государыня велела принести поднос с золотом и серебром, взяла его в руки, сошла с трона и хотела отдать Сунь У-куну.

— Возьмите пока эту мелочь, — сказала она, — на дорожные расходы, чтобы скорее добраться до Запада. А когда будете возвращаться со священными книгами, я щедро вознагражу вас.

Однако Сунь У-кун не принял денег и сказал:

— Мы покинули суетный мир, и теперь нам не нужны ни золото, ни серебро. В пути мы собираем подаяние и тем кормимся.

Тогда государыня велела принести десять кусков парчи и снова обратилась к Сунь У-куну:

— Вы так стремились поскорее отправиться в путь, что я не успела даже сшить для вас одежду. Возьмите с собой хоть эту ткань. Может быть, в пути вы сошьете себе какое-нибудь платье, чтобы защититься от холода.

— Мы не миряне, — отвечал Сунь У-кун, — и нам нельзя носить парчовые одежды. А по дороге всегда найдется рубище, чтобы прикрыть бренное тело.

Убедившись в том, что и этот дар не будет принят, государыня велела принести три меры чистого риса.

— Тогда возьмите с собой крупы, — молвила она, — будете варить кашу.

Услышав про еду, Чжу Ба-цзе не вытерпел и сразу же засунул этот дар в узел.

— Брат, — поддел его Сунь У-кун. — Ты все жаловался, что поклажа чересчур тяжела, как же хватит у тебя сил тащить еще и рис?

Чжу Ба-цзе рассмеялся:

— Что ты понимаешь, — говорил он сквозь смех, — ведь рис тем и хорош, что каждый день расходуется. Если же сразу все съесть, тогда и дух вон.

Затем все трое мгновенно сложили руки и совершили поклоны в благодарность за оказанную милость. Наконец Танский монах обратился к государыне:

— Осмелюсь потревожить тебя еще одной просьбой, — сказал он умоляющим тоном, — проводи вместе со мной моих учеников за городскую заставу, там я скажу им напутственное слово, чтобы они с честью выполнили свой долг. А когда вернемся во дворец, будем наслаждаться вечным счастьем. Мы станем жить с тобой счастливо и мирно, не зная ни забот, ни тревог, словно птицы Люань и Фын.

Государыня, ничего не подозревая, велела тотчас же приготовить выезд и, крепко прижимаясь к Танскому монаху, села с ним вместе в колесницу, которая повезла их к западной заставе города. Улицы были политы чистой водой, воздух напоен ароматом благовоний. Толпы народа вышли на улицу, чтобы увидеть поезд государыни, послушать замечательный звон колокольчиков, и поглядеть на Танского монаха — избранника государыни.

Здесь не было ни одного мужчины, только женщины — напмаженные, напудренные, с высокими прическами.

Вскоре поезд выехал из ворот города и оказался за западной заставой.

Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн встретили приближение колесницы радостными возгласами:

— О великодушная государыня, — кричали они, — не провожай нас дальше. Распрощаемся здесь.

Танский монах медленно сошел с колесницы, молитвенно сложил руки и с поклоном обратился к государыне:

— Прошу тебя, вернись во дворец и позволь мне, бедному монаху, отправиться на Запад за священными книгами.

От этих слов государыня даже в лице изменилась. Она схватила Танского монаха за руку и вскричала:

— Мой дорогой! Ведь я обещала отдать тебе все мое состояние, только бы ты стал моим мужем. Завтра тебе предстоит занять престол и принять титул государя, я же передам тебе бразды правления и буду только твоей женой — государыней. Ведь мы пировали по этому случаю. Как же можно так неожиданно нарушить свое слово!

Чжу Ба-цзе слушал, слушал и разозлился. Он начал поворачивать то в одну, то в другую

сторону свое свиное рыло и захлопал своими огромными ушами.

— Да понимаешь ли ты, что мы честные монахи?— заорал он, кинувшись к колеснице. — Неужели мы станем осквернять свое тело и жениться на такой размалеванной и напмаженной, как ты? Отпусти моего наставника и не приставай к нему!

Государыня пришла в ужас от его грозного и страшного вида. Душа у нее ушла в пятки, и от страха она свалилась со своего сиденья прямо на пол.

Между тем Ша-сэн и Сунь У-кун вывели Танского монаха из толпы и помогли ему сесть на коня. Вдруг на обочине дороги мелькнула женщина. Она бросилась к Танскому монаху с возгласами:

— О младший брат Танского императора! Не покидай нас! Дай мне насладиться с тобой утехами любви!

Ша-сэн стал отгонять ее.

— Куда лезешь, негодница!

Выхватив свой волшебный посох, он собрался было ударить женщину по голове, но вдруг поднялся страшный вихрь, раздался свист, и Танский монах исчез.

Они исчезли! Что за наваждение?

Вот только были здесь и вдруг пропали!

Несчастный Сюань-цзан: ему едва ли

Удастся выбраться из плена наслаждений!

Избавившись от пут, попал в тенета,

Из ямы выйдя, угодил в болото,

И вновь готов для новых походов!

Но та, что отняла его свободу,

Была ли человеческого рода?

О том, что случилось с нашим Танским монахом, остался он жив или погиб вы узнаете, если прочтете следующую главу.